

Е.А. Яровая

Геральдические загадки в Рыбинском музее

Сегодня русская геральдика как прикладная дисциплина переживает свою эпоху ренессанса, и в свете резко возросших возможностей этой некогда опальной науки экспонаты музейных собраний, несущие на себе дворянские гербы, предстают перед нами в новых, самых неожиданных ракурсах. Геральдическая экспертиза позволяет «заставить говорить» даже совершенно обезличенные предметы, всякая память об истории которых казалась утраченной без надежды на реконструкцию. Свои приоткрытые тайны есть и у экспонатов Рыбинского музея-заповедника.

Вряд ли дворяне минувших столетий, помещая изображения своих гербов на утварь, оружие, книги, произведения искусства, задумывались о том, какое значение получат эти родовые эмблемы для их далеких потомков. Геральдика была для них не наукой, а неким живым, хорошо разработанным комплексом правил, с помощью которых они утверждали свои амбиции и наглядно иллюстрировали владельческие права. Нужда дворянина в гербе была вполне практической. Применительно к предметам российского происхождения атрибуция на основании размещенных на них геральдических изображений стала актуальной после революции 1917 г., когда в музеи потоком хлынули национализированные ценности. Данные об их происхождении чаще всего утрачивались в ходе перераспределения имущества «бывших», посредством которого следы, ведущие к хозяевам этих предметов, окончательно запутывались. Лишь гербы, разными способами нанесенные на произведения искусства, остались своеобразными маяками, подающими знак посвященному, который будет способен прочесть эту тайнопись.

Своеобразным актом борьбы за сохранение преемственности в данной дисциплине стала деятельность известного гербоведа В. К. Лукомского, создавшего в послереволюционном Петрограде Гербовый музей и ставшего основателем русской школы геральдической экспертизы. Лукомский сделал сотни атрибуций для

многих музейных собраний, что помогло ввести в научный оборот множество депортированных вещей из разоренных дворянских усадеб. Но традиция, заложенная им, естественным образом прервалась, поскольку с окончательным определением идеологии нового строя любые формы сбережения памяти о «бывших» стали казаться политической крамолой. Несколько поколений музейных работников были вынуждены не замечать памятников геральдики, фиксируя их наличие, но не пытаясь проникнуть в послания, содержащиеся в этих эмблемах. Такова была повсеместная практика, охватывавшая и главные музеи страны, и собрания регионального значения. Ныне геральдическое знание снова служит музейному делу. Его возможности я попытаюсь показать на наиболее ярких примерах, связанных с Рыбинским музеем-заповедником, консультировать который по вопросам, связанным с геральдикой, мне неоднократно доводилось.

Хрестоматийным образцом сообщения буквально математической точности, заложенного в гербовую композицию, является небольшая фарфоровая чашечка первой четверти XIX в. Прочтение ее геральдического кода, связанного с событиями в истории известнейших аристократических фамилий России, позволило взглянуть совершенно другими глазами на экспозиционную значимость этого предмета. Происходит он из коллекции литератора рубежа XIX-XX веков Евгения Николаевича Опочинина (1858-1928), владевшего усадьбой Максимовское в окрестностях Рыбинска. Опочинину, увлеченному коллекционеру с довольно ограниченными средствами, но разнообразными интересами, принадлежало довольно любопытное собрание живописи, графики и прикладного искусства. Наследники писателя, с 1910-х гг. жившего в Москве, со временем частью раздарили, частью распродали большую часть собранного им. При этом ряд предметов оказался в Рыбинском музее, соединившись с немногочисленными вещами, поступившими туда после революции из Максимовского, вскоре погибшего в пожаре.

Среди них в 1996 г. в Рыбинском музее оказалась украшенная гербом чашечка-кремница хорошей работы, но не вполне удовлетворительной сохранности. Она не имеет заводского клейма, однако по совокупности характеристик определяется как изделие Императорского фарфорового завода. В собрании Государственного Эрмитажа есть аналогичные чашки производства ИФЗ с геральдическими мотивами, расписанные иначе, но по форме явно относящиеся к этой же партии фарфорового «белья». Возможно, найдутся подобные предметы и в других российских музеях. Все они обязаны своим происхождением существовавшей на за-

воде услуге для частных лиц: по различным высокотожественным случаям предприятие на основании готовых форм изготавливало подарочную посуду, которая расписывалась геральдическими изображениями из Общего гербовника в соответствии с обстоятельствами и пожеланиями конкретных заказчиков. Чаще всего поводами для изготовления таких сервизов служили свадьбы между представителями аристократических семей. В подобных случаях на фарфор наносились композиции из соединенных гербов молодоженов. Такова и чашка из Рыбинска, на которой изображен брачный составной герб под сенью и короной, внизу обрамленный лентой девиза с надписью «Богу слава, жизнь тебе».

В части композиции, находящейся слева от зрителя, легко узнается герб Бобринских – потомков внебрачного сына Екатерины II и Григория Орлова Алексея, получившего свою фамилию по купленному для него тульскому имению Бобрики. Этому же роду принадлежит девиз. Герб полностью соответствует своему каноническому изображению, внесенному в 1-й том Общего гербовника дворянских родов Российской Империи, и символически отражает обстоятельства появления на свет рода императорских бастардов. Его частями являются цитата из герба Орлова - одноглавый орел, герб родины Екатерины II - Ангальта в виде идущего по крепостной стене медведя, и «говорящее» изображение бобра. Герб на чашке увенчан графской короной, что отражает пожалование Бобринским титула в 1796 г. Еще одна графская корона, увенчивающая всю композицию, является общей для обоих гербов, то есть распространяет свое достоинство на супружескую пару, указывая нам, что к роду Бобринских относился жених.

Менее очевидна принадлежность герба невесты, увенчанного княжеской короной и изображающего коронованного черного одноглавого орла, держащего в левой лапе длинный золотой крест. Это герб Чернигова, общий для княжеских родов Одоевских, Кольцовых-Масальских, Горчаковых, ведущих свой род от древнерусских черниговских князей. Различия между гербами перечисленных фамилий минимальны. Герб Масальских отделен от других черниговских гербов буквой М в нижней части щита, а вот разница между гербами Одоевских и Горчаковых настолько тонка и неочевидна, что даже не была кодифицирована в текстовом описании этих гербов. Она становится заметной только при изучении рисунков гербов в Общем Гербовнике, и состоит в том, что у Одоевских орел увенчан древней царской короной, в то время как у Горчаковых на голове у орла корона княжеская. Несколько забегаю вперед, замечу, что эта разница оказалась не под силу

экспертам нью-йоркской площадки известного международного аукционного дома, когда в 2014 г. – почти через десять лет после того, как была атрибутирована чашка из Рыбинска – к ним попал предмет, являющийся ее полным близнецом и явно относящийся к тому же сервизу. Неверное умозаключение о гербе невесты, который американцы приняли за эмблему Одоевских, не позволило им связать его с генеалогическими данными и получить результат. В действительности же можно уверенно утверждать, что поскольку орел на этом гербе увенчан княжеской короной, то невеста принадлежала к роду Горчаковых.

Наличие такого альянса подтверждается и родословной графов Бобринских. В ней есть единственный брак между представителями их семьи и Горчаковыми. Выясняется, что хозяином чашки был младший сын основателя рода Василий Алексеевич Бобринский (1804-1874), лейб-гусар и член Южного тайного общества. В 1824 г. он женился на 17-летней Лидии Алексеевне Горчаковой. Очевидно, к этому событию и был приурочен выпуск гербового сервиза, предмет из которого находится в Рыбинске. Лидия была единственным ребенком бывшего военного министра Алексея Ивановича Горчакова и Варвары Юрьевны Долгоруковой. Жизнь ее оказалась мимолетной. Вскоре после свадьбы у нее открылось серьезное заболевание, потребовавшее отъезда на лечение в Баден-Баден. Муж сопровождал ее, и только это обстоятельство уберегло его от участия в восстании декабристов. В 1826 г. в возрасте 19 лет Лидия умерла, не оставив потомства. Василий Алексеевич, привезя в Россию тело жены, похоронил ее в родовой усыпальнице в Бобриках. Потом он прожил долгую жизнь и был женат еще два раза. Лидия, на которой пресеклась целая ветвь дома Горчаковых-Долгоруковых, естественно, была забыта всеми. Заговорившая геральдическая композиция на чашке из Рыбинска позволила напомнить о человеке, с печальной судьбой которого она оказалась связана. И хотя уникальность этого герба несколько поколеблена недавним обнаружением второго предмета из свадебного сервиза, на территории России чашка Горчаковой – по-прежнему единственная сохранившаяся.

Надо признать, что далеко не всегда возможен итог геральдической экспертизы, при котором удастся с безальтернативной четкостью не только определить род владельцев герба, но и назвать конкретных хозяев предмета, помеченного гербом, и датировать время появления композиции, как в описанном случае с чашкой. Напротив, это, скорее, из области исключений. Однако и менее отчетливые послания, содержащиеся в геральдических памятниках, довольно эффектив-

но помогают нам восстанавливать утраченные эпизоды из прошлого музейных экспонатов. Так, сравнительно недавно в российских художественных музеях начали серьезно обращать внимание на то, что обратные стороны рам и подрамников картин, да и самих полотен тоже, иногда несут на себе следы сургучных оттисков печатей, в том числе и с геральдическими изображениями. Не обошлось без такой находки и в Рыбинском музее. Когда в 2008 г. под эгидой Третьяковской галереи была организована монографическая выставка к 250-летию выдающегося мастера ландшафтного пейзажа Федора Матвеева (1758-1826), Рыбинск представил на нее картину этого художника «Вид в Италии» (1805 г.). При этом сотрудники музея обнаружили на нем шесть ранее не замеченных оттисков красного сургуча в разных местах. Видимо, картина была обвязана веревками и опечатана по верх них. Плохое, по большей части, состояние сургуча позволило определить только два отпечатка, сделанных одной и той же матрицей – скорее всего, вставкой в перстень. Оба пострадали от времени, в том числе и в центральной, наиболее ответственной своей части, однако детальный осмотр и сравнительный анализ сохранившихся фрагментов позволил восполнить недостающие элементы и реконструировать герб. Это увенчанный графской короной четырехпольный щит, дополненный наложенным поверх него срединным щитком. В первой и четвертой частях большого щита изображена рука с мечом в синем поле, во второй и третьей – половина орла в красном поле (цвета, как это обычно бывает при графической передаче гербов, показаны соответствующими видами штриховки). Гербовый щит наложен на изображение большого мальтийского креста, другой знак Мальтийского ордена подвешен на ленте под гербом.

Данный герб принадлежит графам Головкиным. Гавриил Иванович Головкин (1660-1734) - государственный канцлер петровской эпохи и один из первых российских обладателей графского титула - получил его в тот период, когда геральдика в стране еще находилась в ведении руководимой им самим Коллегии иностранных дел (до 1722 г.). Описание герба Головкиных из Общего Гербовника слегка отличается в мелочах от изображения на оттиске из Рыбинска. Например, на последнем, что особенно характерно, фоном щиту служит княжеская горностаевая мантия. Этот прием, широко практиковавшийся российскими дворянами при самочинном оформлении их гербов, Павлом I был закреплен исключительно за княжескими и некоторыми родственными им нетитулованными родами, к которым Головкины не принадлежали. С конца 1790-гг. с такой деталью герб этой се-

мы никогда не прошел бы государственное утверждение. Следовательно, перед нами произведение времени, предшествовавшего павловским геральдическим строгостям. Делая неизбежную поправку на инерцию и некоторые вольности в соблюдении геральдического законодательства, матрица, которой был сделан оттиск, может быть датирована временем, близким к 1 января 1798 г., то есть к публикации герба Головкиных в первой части Общего Гербовника. Сочетание этой даты с мальтийскими регалиями на оттиске печати и биографическими данными представителей семьи Головкиных указывает на имя наиболее вероятного обладателя печатки и, по-видимому, бывшего хозяина картины Матвеева.

Обратившись для этого к семейной истории Головкиных, мы обнаружим, что при восшествии на престол Елизаветы Петровны сыновьям петровского канцлера, державшимся иной политической ориентации, пришлось искать спасения за границей. Александр Гаврилович Головкин, находясь посланником в Голландии, начал там новую жизнь и вступил в брак с графиней Екатериной-Генриеттой де Дона де Феррасьер. В 1783 г. четверо Головкиных – жители Запада в третьем поколении и убежденные протестанты - решили вернуться в Россию и были благосклонно приняты при дворе Екатерины II. С пиететом относился к ним и Павел I. Сопутствовавшее ему всю жизнь увлечение мальтийским рыцарством общеизвестно, между тем Головкины благодаря родству с графами де Дона по женской линии числили среди своих предков Раймонда дю Пюи - первого великого магистра иоаннитов. При учреждении Павлом в ноябре 1797 г. российского приорства ордена Юрий Александрович Головкин стал его почетным кавалером. Вслед за ним были приняты и его родственники: 12 мая 1799 г. пяти представителям рода Головкиных, включая самого Юрия Александровича, было пожаловано почетное наследственное командорство. Павел сделал их мальтийскими кавалерами по праву рождения.

Ко времени создания картины Матвеева двух Головкиных-мальтийцев не было в живых. Биографии двух других шли путем, не предполагавшим возможности закупать в Италии произведения русского искусства и пересылать их в Россию. И лишь Юрий Александрович, карьера которого сложилась наиболее успешно, действительно в подходящее время оказался в Италии, где мог встретиться с Матвеевым. Он прибыл туда в 1807 г. в длительный отпуск после завершения своей дипломатической миссии в Китай. Реконструировать конкретный ход событий можно только гадательно, однако из описания достопримечательностей Петер-

бурга, вышедшего в 1817 г., известно, что в это время в доме Головкина действительно находились некие картины Матвеева. Связи Матвеева с четой Головкиных подтверждаются и тем, что хлопоты по трудоустройству художника в России в случае возвращения из Италии взяла на себя супруга Юрия Александровича – Екатерина Львовна Головкина, урожденная Нарышкина. Известно ее письменное ходатайство перед президентом Академии художеств графом А.С. Строгановым, датированное 1805 г., о предоставлении места преподавателя Академии живописцу Матвееву. К сожалению, переговоры затянулись, место ему гарантировано не было и в итоге его возвращение на родину не состоялось. Видимо, одна из картин, свидетельствующая об отношениях художника с графской четой и до сих пор хранящая на себе следы графской печати, ныне находится в Рыбинском музее-заповеднике.

Даже в случаях, казалось бы, совершенно ясных, когда происхождение предмета, помеченного гербом, хорошо известно, геральдическая композиция на произведении искусства может поведать нам нечто заслуживающее внимания о его владельцах и своей истории создания. Примером тому может стать знаменитый, известный далеко за пределами Рыбинска экспонат музея-заповедника – портрет Николая Ивановича Тишина, написанный видным художником середины XVIII в. Иваном Вишняковым. Созданные в 1755 г. парные изображения Тишина и его рано умершей супруги Ксении, относящиеся к времени, когда среди помещиков началось массовое увлечение фамильными портретными галереями, явились важным элементом программы по обустройству их родового гнезда – усадьбы Тихвино-Никольское под Рыбинском. Николай Иванович имел репутацию просвещенного человека с хорошим вкусом, близкого к людям искусства. Для строительства усадьбы он привлек архитектора Василия Баженова, и для создания фамильных портретов ему также понадобился не доморощенный мастер, едва владеющий основами светской живописи, а подлинный артист своего дела. Вишняков в полной мере оправдал оказанное ему доверие. Однако одна из деталей портрета Тишина в том его виде, каким его знаем мы, все же выбивается из общего ряда: основные профессиональные задачи художником решены блестяще, но левая рука его модели неловко вывернута ради того, чтобы вложить в нее грамоту с изображением герба. Исследования холста, проведенные в 1970-х гг., показали, что Вишняков тут ни при чем: выяснилось, что фрагмент переписан, и герб появился на нем позже создания картины. Таким образом, кому-то из Тиши-

ниных понадобилось с неизвестной целью внести изменения в фамильную реликвию.

Сам Николай Иванович тут вне подозрений, поскольку, будь у него нужда в такой детали, он мог бы включить ее в портрет изначально. Создание гербов еще не подлежало государственному регулированию, и Тишину, который, скорее всего, герба попросту не имел, как и большинство дворян тех лет, ничто не мешало придумать себе герб и пользоваться им как «самобытным», то есть принятым в частном порядке. Именно так родилось подавляющее большинство русских частных гербов той эпохи, впоследствии прошедших официальное утверждение. Стоит отметить, что хотя истоки геральдической композиции, которую мы видим на портрете Николая Ивановича, еще только предстоит установить, внешне она выглядит именно как искусственная сложносочиненная компиляция символов из популярных эмблематических руководств XVIII века. Тишиныны, потомки Василия Патрикеевича Тишина, в 1669 г. получившего от царя Алексея Михайловича «за службу, промыслы и храбрость» вотчину в Романовском уезде, имели сугубо российское происхождение. У них не было весомых оснований делать заимствования из геральдики якобы родственных европейских фамилий, что открывало им полный простор для самого безудержного герботворчества. Однако ничего подобного сам Тишин, видимо, не сделал. Умер он в 1773 г., значительно раньше, чем началось составление Общего гербовника.

Видимо, появление геральдической композиции на портрете оказалось как-то связано с деятельностью его наследников, причем произошло это далеко не сразу. Обнаружение каких-либо неизвестных реликвий Тишининых с изображениями гербов, вероятно, могло бы скорректировать наши представления о появлении их родовой эмблемы. Но на данный момент нет никаких признаков бытования герба Тишининых в русском геральдическом пространстве по крайней мере до 1810-х гг. Однако затем род в силу неких неясных нам причин частного порядка ощутил потребность в гербе и попытался получить его официально. В 1822 г., представляя интересы всей семьи, рыбинский помещик чиновник 9 класса Василий Алексеевич Тишин, хотя и не прямой потомок Николая Ивановича, но довольно близкий его родственник, подал эскиз и заявку о внесении родовой эмблемы в Общий гербовник. Прилагаемое к прошению описание герба очень близко, лишь с незначительными отличиями, совпадало с изображением с портрета предка. Вот оно: «В щите, разделенном на четыре равные части, изображены: в первой в серебряном поле

солнце, во второй в голубом поле полумесяц, обращенной вверх; а под ним летящая пчела; в третьей в красном поле два соединенные между собою дуба, сквозь которые проходит из лука пущенная стрела, а на оной положена секира; в четвертой, в золотом поле столб, на котором крестообразно положены палаш и копие». Трое земляков Тишина во главе с ярославским губернским предводителем дворянства полковником и кавалером Владимиром Ивановичем Филатьевым удостоверяли, что «герб сей действительно употребляется издревле в роде просителя».

Герольдия отказала Тишину с несколько невнятной мотивировкой, и его герб так никогда и не был утвержден ни путем включения в Общий гербовник, ни индивидуально, в качестве т. н. «дипломного». Но вне зависимости от конкретных результатов этой попытки, для нас важен один из этапов подготовки к ней, а именно вышеупомянутое подтверждение исконности использования герба, которое должны были дать представители губернской дворянской элиты. Вряд ли эти уважаемые люди могли, не читая, подмахнуть документ с заведомо ложными сведениями. Требовалась доказательная база в виде фамильных реликвий – родовых печатей, грамот, иных геральдических носителей. Видится возможным, что задачами фабрикации этих реликвий и было вызвано к жизни появление новой детали на старом портрете, сделанное, возможно, при участии некоего местного богомаза или крепостного живописца-самоучки.

Безусловно, на данный момент это только гипотеза. Возможны и иные варианты развития событий, например, выдвигающие на первый план Кожиных – потомков и наследников Николая Ивановича по линии его единственной дочери, предположительно, владевших портретом в начале XIX века. Эта семья, не в пример более древняя и заслуженная, чем Тишиныны, и располагавшая весьма гордым гербом с красивой историей, вполне могла таким образом «подтянуть» до своего уровня худородного предка по входящей ветви в контексте начавшейся суеты с утверждением его герба. Но в любом случае на сегодня нет оснований предполагать, что произошло это значительно ранее неудачных действий Василия Алексеевича. Источником возможных ответов как на эту, так и на прочие геральдические неясности, а равно источником новых, еще неразгаданных геральдических тайн, по-прежнему остаются фонды российских музеев, в том числе Рыбинского музея-заповедника.

Запрос на иллюстрации:

1. Чашка Бобринских-Горчаковых.
2. Фотография Опочинина.
3. Картина Федора Матвеева.
4. Оттиск с гербом Головкиных.
5. Второй оттиск с гербом Головкиных.
6. Портрет Тишина работы Виншякова.
7. Герб на портрете крупно.